

Судное

Спускаешься на несколько ступенек в полуподвал. Железная дверь протяжно скрипит. Заглядываешь.

- Кто там?

- Это я, подсудимый.

- Входи.

Задев за что-то коленом, неуверенно заступаешь в сумрак. Без слов понятно, что света здесь давно нет.

Две, нет три фигуры в странных одеждах. Шелест толстой бумаги, развёртывание свитков.

- Сам пришёл...

- Хорошо.

- Кто обвиняет?

- Его зовут Шелудиво. Пусть войдёт.

Снаружи послышались частые царапающие звуки. Дверь приоткрылась и с лязгом захлопнулась, но никто не вошёл.

Наконец, прислушавшись к мелкому цоканью по полу, ты догадываешься. Небольшая собачонка с прицепленной к уху нелепой розовой шляпкой резво вскочила на боковую трибуну и замахала обрубком хвоста. По команде она осипло лает в твою сторону. Прерывается и лает снова.

- Достаточно, - прерывает её крайний. - Скажут, что претерпевший, он же свидетель обвинения слишком шелудив, но мы не можем ему не поверить. Как нет дыма без огня, так и пёс не станет лаять без причины.

- А что обвиняемый? Невиновен? Это по нашей части.

- И готов предъявить доказательства.

- Веселее, когда трепыхается.

- О нём многие хорошо говорят.

- Скоро поймут, что говорить и думать надо наоборот.

- Так и решим?

- Именно.

- Сегодня уложимся быстро?

- Время – это же категория относительная. Вот сегодня он думает, что полчаса – это долго, а завтра, что десять лет – это сильно повезло.

- Мы хорошо друг друга поняли. Но как вас зовут, коллега?

- Я начал свою карьеру очень давно, на заре юриспруденции, и моё имя успело затеряться. С тех самых пор, как мы приговорили дрянного язвительного старикашку, мнившего себя философом, к выпивке за казённый счёт. Он сам напрашивался на угощение. Собирались угостить его цикутой, но после праздников нашёлся только болиголов. И скажу вам, это был самый громкий процесс в Элладе...

- А я не так стар и опытен, как Вы, но приводил в чувство многих еретиков. Помню, один, выдававший себя за учёного, запирался целых шесть лет. Никак не мог понять – чего мы от него хотим. Так и пришлось жечь нераскаянным. Моё имя держалось в секрете. Вполне хватало инициалов для подписи.

- А меня, - вмешался третий в растрёпанных меховых одеждах, - помнят все, но только по прозвищу. Тут не видно, но кожа у меня сухая, будто стёртая, от неё всё и пошло. Но я не обвыкся со всеми вашими порядками. Были у меня разные поручения. Намекали мне про одного, что он чуть ли не святой. Но если сказано: придушить при удобном случае – значит, так тому и быть. Или голову с плеч – нате, держите.

- А этот? Недоволен? Мы ж ему славу куём вечную. Как это теперь называется – пиар создаём. Уж мы на этом по собаке съели.

- Так, может, вам доплатить? – вдруг осмелев, подаёшь голос.

- С имуществом без тебя разберёмся. Сиди ровно, пока слова не дали.

В это время ты вдруг ощущаешь чьё-то присутствие. Кто-то без скрипа вошёл и оказался совсем рядом. На нём плащ с кровавым подбоем. Он кивает другим и обращается на странном, но знакомом наречии:

- Прошу прощения. Очень затянулось другое дело. Просто умывал руки.

После лета

Мальчик по имени Юлий с жестяной банкой в руке подошел к своему участку — небольшому клочку земли за дачным домом. Внимательно, как взрослый, оглядел эти пять грядок зацветавшей картошки. Этот участок он старательно вскапывал большой и неудобной лопатой.

Потом закладывал в лунки клубни ростками вверх. Несколько раз поливал и дергал сорняки. И кусты тянулись вверх быстро и мощно.

А теперь надо было собрать колорадских жуков, засевавших с тыльной стороны листьев. И Юлий взялся за дело. Он подносил банку снизу и легонько встряхивал зелень над ней. Жуки падали и стучали о дно, как мелкие градины.

Так Юлий прошел одну грядку и свернул на вторую, как вдруг от неосторожного движения жуки осыпались с куста сами, мимо банки. Мальчик наклонился, чтобы сразу их подобрать, но рука замерла. Все жуки беспомощно лежали брюшками кверху с поджатыми лапками и, казалось, умоляюще смотрели на Юлия своими крохотными глазами.

Он отступил и сел на траву. Он клял себя за эту всегдашнюю жалость и ничего не мог с ней поделать. Так и в школе — он жалел других и не мог дать им сдачи.

Перед самыми каникулами рыжий вихрастый Леха притормозил в коридоре: «Юлик! И звать тебя, как девчонку. Косу отрасти, что ли?» — и помчался дальше.

А Юлий тут же вспомнил его у доски, затравленно заикавшегося на самом первом уроке. И ничего не ответил.

И сейчас вздохнул, перевернул банку и выпустил всех пленных жуков.

Вечером отец взял Юлия с собой на рыбалку. Вернулись утром, пропахшие костром, тиной и рыбой чешуей. Спали полдня. Проснувшись, Юлий вышел к своему огороду и остолбенел. Вместо пышных кустов торчали голые обглоданные стволы. На них в закатном солнце сверкали рыже-черные панцири.

Отцовская рука легла на плечо.

— Зачем они так? — задыхаясь, выговорил Юлий.

— Не могут они по-другому. Жалей — не жалей.

Леха бил штрафной и не попал. И физкультура, и матч заканчивались.

— Смешно, да? Ссыкотно аж? Может, и тебе смешно? — подскочил он к стоявшему чуть в стороне Юлию. — А-а? Юлька, смотри мне, — и ударил его по загривку, как стукнул бы парту или перила.

Но в этот раз правая рука Юлия сжалась в кулак, и он ударил в ответ. Изумленный Леха отшатнулся и от неожиданности чуть не упал. Встряхнув головой, он обрушился на Юлию с частыми, но бестолковыми ударами. Юлий ответил еще дважды. Потом физрук с кем-то из старших их разняли. Леха, снова заикаясь, выкрикивал все угрозы, какие только знал.

На голове и груди Юлия больно горели ссадины, но теперь он смотрел на площадку, на школу и улицу за воротами другим, уверенным взглядом.